

Татьяна Успенская (Ошанина)

Я хочу быть
ВОЛШЕБНИКОМ

Татьяна Успенская (Ошанина)

Я хочу быть
ВОЛШЕБНИКОМ

БОСТОН • 2024 • BOSTON

ТАТЬЯНА УСПЕНСКАЯ (ОШАНИНА)

Я ХОЧУ БЫТЬ ВОЛШЕБНИКОМ

Публикуется в авторской редакции

TATIANA USPENSKAYA (OSHANINA)

I WANT TO BE A WIZARD

Published in the Author's Edition

Copyright © 1978-2024 by Tatiana Uspenskaya (Oshanina)

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533654

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

✉ mgraphics.books@gmail.com

🌐 www.mgraphics-books.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2024

Printed in the United States of America

*Посвящается памяти честных, бескорыстных
людей, убитых в начале Перестройки
из-за невозможности выжить в атмосфере
воровства и убийства как нормы жизни*

*От всей души благодарю Владимира Рубана —
моего ученика в 60-е годы и близкого друга
в течение всей жизни за его помощь
в создании и редакции романа*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Я хочу быть волшебником.</i> Роман . . .	13
<i>Пробуждение.</i> Повесть	209

**Я ХОЧУ БЫТЬ
ВОЛШЕБНИКОМ**

роман

==== Глава первая ====

МОИМИ ГЛАЗАМИ

Меня зовут Николай.

Нутро никогда не принимало алкоголя, даже безобидного виноградного вина. Но чувство опьянения знаю. Когда заговорили про свободу слова, печати, когда прилипли к телевизорам, слушая Сахарова... когда родилась надежда, что вынырнем из лицемерия, из двойной жизни, этой надеждой я запьянел. Ловил себя на том, что меня тянет на улицу — в лица глядеть, не ошибся ли: а другие тоже почуяли ветер благодных перемен? Хотелось здороваться с прохожими, как в деревне. Захотелось начать что-то делать для того, чтобы поскорее вынырнуть к этой самой запретной свободе.

Нет, не ошибся, во многих лицах читается надежда!

С детства ждал этого ощущения — высвобождения из всех пут.

Сорваться из-под маминого голоса, когда она читает мне «Аленький цветочек», скорее бежать к красавице, чтобы сказать: это не чудище, а добрый человек, его надо срочно поцеловать, и тогда он расколдуется. А мать зачем-то силой усаживает меня подле себя: «Что за ребёнок, пять минут посидеть не может. Это же сказка!»

Из-под учительского пронзительного голоса, рождающего во мне вибрации раздражения, вырываюсь злыми возражениями: «Почему вы учите нас ненавидеть Павлика Морозова? Он сам был жертвой и нового строя, и своей семьи. Да, он донёс на отца, и это очень плохо. Он верил в социализм, может быть, не только из-за своей слепоты, но из-за того, что отец его был очень жестоким человеком, никого не любившим, мучившим людей. И убили Павлика Морозова его родные! Не только мальчику двенадцати лет, но и миллионам умных, образованных людей трудно было разобраться в происходившем. Жизнь много сложнее, чем представляется».

Или прячусь в Ваньку Жукова, за него пишу письмо Андрею Матвеевичу.

Андрей Матвеевич, или Андрюша, как он просит всех звать его, — отец Миха.

А Мих — единственный друг с сопливого детского сада, с того момента, когда Мих, сияющий, черноглазый, с копной тёмных волос, подошёл ко мне, ткнул в бок и сказал: «Мой папа зовёт меня Мих, я хочу с тобой навсегда дружить, как папа дружит со своими друзьями». С тех пор только с Михом делю все свои мысли и ощущения, с Михом связан тайной — «навсегда вместе»!

А папа Миха стал и мне папой, хотя у меня есть свой отец.

Андрюша, похожий на Миха лицом и неугомонностью, любит с нами разговаривать.

В детстве расспрашивал, о чём сказка или книжка, с кем дружим, о чём думаем, решал с нами задачки (вплоть до десятого класса), объяснял, что такое хорошо и что такое плохо, чуть вибрирующим баском пел нам с Михом песни, которые никогда не звучат по радио.

А когда стали постарше, включил нас в споры на кухне.

Кухня у них и не такая уж и большая, а набивается в неё и ча-сами сидит за столом не меньше восьми — десяти человек.

Вера Петровна, мама Миха, фея из сказки и учительница литературы в старших классах английской спецшколы, ставит на стол миску с винегретом или оливье, чёрные сухарики с сыром и что-то мясное (котлеты, макароны по-флотски, пельмени). И звучат фразы, которых ни в школе, ни на улице не поймашь. И звучат запретные имена. И таинственны судьбы, не похожие на обычные.

Сахарова выслали, потому что правду говорил, и теперь собирают посылки и книжки, чтобы отвезти ему в Горький.

Буковский, Горбаневская, Файнберг за правду в психушках сидят. А сколько в тюрьмах?!

И гробы из Афгана идут.

Сначала нам с Михом трудно было разобраться в именах и событиях, но постепенно люди на фотографиях и в словесной окраске становились близко знакомыми, а строки из статей, написанных в каком-то особом журнале, понятными.

Нас тоже подробно расспрашивали: о чём говорили с ребятами, что читали и обсуждали на уроках сначала чтения, потом литературы. И все смотрели на нас, как на самых главных, когда

мы рассказывали о Вене — мать-одиночка никак не может прокормить его, так мало получает, и Вене приходится подрабатывать ночами в больнице санитаром, о Йоське — его отцу не дают защитить диссертацию и преподавать в Институте, потому что он — еврей и языком «много мелет», по словам Йоськиной мамы, давно лежачей больной, а Йоська всегда есть хочет, потому что отец Йоськин никак не может найти работу.

Зачем-то все начинали громко говорить, что нужно делать, а один громадный, громогласный и красивый дядька (его все звали Тарасом) записывал всё, что мы говорили.

А потом пели под гитару песни, от которых хотелось взбираться на горы, спасти тонущих, кричать в голос: «Прекратите войну в Афганистане!», мчаться к тюрьмам, к психушкам и выпускать на волю ни в чём не виноватых людей.

Кухонные застолья стали необходимы, они будоражили. Но иногда нам с Михом приходилось сбегать — нужно же делать уроки на другой день!

Дом Миха был лохматый, так я прозвал его.

В гостиной слева, в углу, при входе стояло много пар остроносых лыж, валялись рюкзаки и спальники, закопчённые кастрюли и чайники, всклокоченные свитера, ватники и ватные штаны с вылезавшей кое-где начинкой. Всё было ярко освещено, потому что второй левый угол состоял из двух больших окон с солнцем или с фонарями. Это был таинственный мир, в который почти до девятого класса, когда меня взяли в первый поход, я не был вхож.

А справа открывался совсем другой мир — с широким диваном, с торшером, со стеллажами тесно прижимавшихся друг к другу книг разных форматов, толщины и цвета. Этот мир открылся мне рано: мы с Михом любили, забравшись на диван, читать общую книжку, прижавшись голова к голове.

Особняком, в самом тёмном углу комнаты, притаилось кресло Веры Петровны. Она забиралась в него с ногами, укутывала себя пледом, с книжкой или с тетрадками своих учеников, в которых тесно лепились строчки сочинений, и часами её не было слышно. Лишь свет оранжевого торшера золотил её красивую голову с тяжёлой косой, уложенной на затылке.

Разговоры на кухне, Андриюшины песни требовали чего-то от нас. И мы что-то делали.

Написали письмо Сахарову, узнали у Тараса адрес и опустили письмо в почтовый ящик дома, в котором Сахаров жил.

Мы приносили Йоське бутерброды. А Вене повторяли то, что узнали по математике и физике от Андриюши, подсовывали ему задачи, которые решали с Андриюшей. Веня обязательно должен поступить на Физфак, о котором он грезит!

Но, несмотря на ежедневные бутерброды, Йоська рос хилым: самый маленький в классе, только глаза больше, чем у всех.

А Веня никак не мог выспаться — такая нагрузка у него!, и учиться ему было очень трудно, не всегда он успевал перерешать все задачи, которые мы давали ему.

Вот и получалось: жизнь для многих сильно тяжёлая, а радио с телевизором всё врут — ничего такого, что есть в этой самой жизни, не рассказывают.

И у нас с Михом получалось тоже две жизни. Одна — открытая, со школой, Йоськой и Веней, со скучными уроками. А другая — подпольная, о которой никто из открытой знать не должен. Даже родителям я не рассказывал о том, что слышал у Андриюши и Веры Петровны, хотя никто не просил меня молчать. Это была наша тайна с Михом.

А мир Андриюши и Веры Петровны стал моими личными университетами.

Меня распирало столько чувств и мыслей, что мне необходимо было поделиться со всеми. Так порой переполняло, что я вскакивал посреди урока и просил учительницу разрешить рассказать об Андриюше: какие задачи он решает, какие истории рассказывает о своих больных.

Но учительница каждый раз затыкала меня, приказывала сесть. «Ты неуправляем, — кричала она. — Уроки срываешь своими выходками!»

Скучные примеры, скучные упражнения, конечно, много интереснее, чем то, что хотелось рассказать!

Но что я мог тогда сделать, глупый мальчишка?!

Пройдёт много лет, прежде чем я научусь жить внутри себя и в себе проигрывать сцены из жизни, затронувшие меня, и пытаться разобраться в проблемах, вцепившихся в каждую мою минуту.

Допекал учительницу и Мих. С детства он не может сидеть на одном месте. И всё время придумывает каверзы. То пускает солнечных зайчиков, а то побежит к доске, якобы у доски потерял

ручку, и ползает по полу, строя ребятам рожи и вызывая хохот в классе. А то начинает делать зарядку, как только учительница отвернётся к доске: приседает без остановки или задирает ноги. Ребята хохочут.

В тот день он стал передразнивать каждое движение учительницы. Вот она у доски склонилась взять мел, он тоже склонился, вот вскинула руку и кашлянула. Он тоже. Но тут она резко повернулась и закричала:

— Убирайся из класса, несносный мальчишка! Думаешь, я не знаю, что это ты мажешь мой стул мелом и прячешь тряпку? Я всё про тебя знаю! Приведи родителей. А сейчас вон из класса.

Словно стеклянный шар разорвался внутри, и горячие осколки впелись во все клетки, когда учительница погнала Муху из класса. Я кинулся за Мухой следом.

— Это что за самоуправство? Сядь сейчас же, Вольский!

Но я выскочил из класса и громко хлопнул дверью, испытал неожиданную радость освобождения от чуждой власти над собой.

На Ленинском Проспекте мы с Мухой начали орать:

*...Спасите наши души.
Мы бредим от удушья...*

...Вы слышите, грохочут сапоги...

*Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров...
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.*

Освобождение от воли учительницы над собой почувствовал. Но тут же, вдруг, как только оборвалась песня о пилигримах, ощутил свою беспомощность.

Что, что мы с Мухой можем? Кому чем можем помочь?

Эта беспомощность поселилась во мне на долгие годы.

Мы с Мухой переходили из класса в класс. И с каждым годом прибавлялось вопросов, на которые необходимо было получить

ответы. Но ни в школе, ни в институте их не задай, трескучие речи на комсомольских собраниях слушай и молчи в тряпочку.

А как быть, если жжёт внутри:

выпусти из тюрем и психушек всех политических,

верни в Москву Сахарова,

не гони наших мальчиков на смерть и на калечество в Афганистан,

верни из США Йоськину семью, куда она вынуждена была бежать, дай его отцу защититься,

а Вениной матери выдели пособие на сына!

Уроки делали у меня дома вместе с Викой. Вика — родная моя тётка. Она, как и Андрюша, растила нас с Михом, но могла быть с нами лишь до шести, потом убегала на работу до ночи.

А когда по средам приходили к Андрюше на кухню, становилось не до вопросов. Атмосфера накалялась. Обсуждали какую-нибудь статью в подпольный журнал или провожали кого-то в эмиграцию. Всё больше людей уезжало. Всё громче звучало слово — «диссиденты». И всё реже обращались лично к нам с Михом. Что-то происходило такое, от чего нас с Михом защищали. Нам говорили, что мы обязательно должны поступить в институт и поскорее найти себя.

И Вика туда же — повторяла одно и то же: «Ваша задача — как можно лучше подготовиться к экзаменам и обязательно поступить в институт».

Вика — старая дева, крупная, некрасивая. А в глазах — шестидесятые, праздничные годы.

Теми же словами, что Андрюша, говорит она о диссидентах и о Сахарове. И читает нам, отрешённая от настоящего, стихи Рождественского, Ахмадулиной, Вознесенского...

И глазами Вики видим мы с Михом Политехнический с полными залами, когда во всех проходах, на ступеньках — молодая Москва.

Чем в нашей жизни осталась школа?

Трескучими фразами.

Редкими праздниками:

Андрюша пришёл к нам в класс и стал рассказывать об исследованиях и очищениях крови — его лаборатория работает над спасением людей от рака. Вдруг говорит, что никогда не думал

о медицине и после физико-математической школы в Физтех поступил (мы с Михом понятия не имели об этом), а когда у него на руках в муках умерла от рака мама, бросил Физтех и перешёл в Медицинский.

Вера Петровна тоже как-то пришла к нам в класс. И стала читать куски из романа «Трудно быть Богом». «Советую прочитать всё, что найдёте, Стругацких. И ещё, думаю, вас заинтересует роман «Над пропастью во ржи» Селинджера. Мы все, с разинутыми ртами и пристукнутые, не отпускали Веру Петровну — просили ещё читать и читать, говорить и говорить...

Школа горем осталась.

В десятом моём классе умерла мама. Как-то не случилась между нами большая близость. Мама, как девчонка, была влюблена в отца, ловила каждое его слово и каждый взгляд, крахмалила ему рубашки, любила ходить с ним по ресторанам и концертам. Меня звала «сыночек», прижимала к душистой груди, опьяняя запахами, а когда умирала от агрессивного рака, как и Андрюшина мама, всё повторяла: «Мне хорошо, ребятки, мне хорошо. Не переживайте! Сыночек, научись радоваться! Радоваться...» С этим «радоваться» и ушла. Ни Андрюша, ни кто другой помочь маме не смогли.

Покончил жизнь самоубийством Веня: на Физфак провалился, надорвался, не захотел больше бороться за место под солнцем, устал от нищеты и бессонных ночей. Так и написал: «Устал я, простите».

После окончания школы мы с Михом с трудом отсидели в скучном институте, а после института целый год с трудом перемогались в скучном быте строительного КБ.

А потом взяли и закончили курсы программистов, и после работы, перехватив в столовке дежурные котлеты, неслись к компьютеру, подаренному Викой.

Своего рода бунт против власти: теперь не достанете!

И технологические процессы, и игры, и самые мелкие чипы — на что замахнёшься, то и получишь. Всемогущи программы, что мы с Михом составляем! И, значит, мы с Михом тоже всемогущи!

Составление программ — сублимация любовных влечений. То же сумасшествие, те же эмоции, те же пьяные бессонные ночи. Ни танцулек, ни обжиманий с девицами нам не надо!

А тут — съезд и Горбачёв: «Перестройка. Долой ложь! Долой насилие над личностью! Свобода слова!»

И всё это сверху!

Так захотелось поверить, что такое возможно!

И... поверили!

Бессонно, захлёбываясь от радости, болтались по улицам вместе с такими же, как и мы, наслушавшимися речей Горбачёва, — наконец кончилось враньё! Неужели новая эра наступила?

Очень трудно поверить тем же людям, которые раньше говорили одно, а теперь перевернули всё с ног на голову!

Но почему-то поверили.

Возвращайся, Йоськин отец, и защищай диссертацию;

кричи, Сахаров, на всю страну, на весь мир правду о нашей жизни;

выходите из тюрем и психушек осмелившиеся восстать против лжи и жестокости!

И сохнет «болото», в котором мы все были вынуждены квакать, лезет к жизни зелёная трава.

В тартарары и серые инженерные будни!

Из прошлого мы с Михом оставили лишь Викин компьютер, что был нашим ежедневным лакомством, нашим убежищем, зелёным островом в океане.

Началась истинная жизнь.

Другие к девчонкам спешат, на пьянки, нам с Михом, двадцатидвухлетним, энергичным, с нерастраченными мозгами и душами, — простор беспредельный: помочь людям заменить нудную кропотливую бумажную работу компьютерами с удобными программами!

Но, если раньше лишь после работы за счёт сна — голова к голове, то теперь целый день — наш! Дозрели собственные власти до частного бизнеса!

Может, и наступит теперь золотой век для каждого?!

В Михе открылись новые и неожиданные таланты: он, оказывается, умеет создавать алгоритмы и закладывать их, но не в компьютеры, а в головы чиновников-исполнителей — представителей райкомов, парткомов, министерств!

Проанализировав словарь, новые лозунги и обещания Горбачёва, Лукьянова и высших чиновников от Кремля, мы с Михом создали программу с секретным кодовым названием —

«капитализм с человеческим лицом». Девизом нашего «творчества» явился лозунг Горбачёва: «Будем подымать и развивать кооперативное движение в стране!» Горбачёв стоял на трибуне торжественный, подняв вверх кулак. А на робкий вопрос из зала «А как это?», глядя на удивлённо-испуганные лица чиновников, широко развёл руками и важно произнёс: «А так. То, что не запрещено, то и разрешено».

И, о, чудо! Всё сработало: устав кооператива, над которым мы немало потрудились, принят, подписано множество бумаг, найдено помещение — на первом этаже, с витриной (изначально готовилось для магазина), с тремя огромными комнатами и кухней. Кооператив по компьютерным технологиям и разработкам зарегистрирован и открыт на Рублёвском шоссе!

Часами теперь рассуждаем мы, с чего и как начать!

Мих, возбуждённый, взлохмаченный, с пылающими щёками и слепящими Андрюшиными и мамиными глазами, бегаёт по гулкому, просторному, ещё без мебели, помещению.

— Простая логика! Первое, что очевидно: в стране нет персональных компьютеров, так ведь?! — кричит он. — Госпредприятия могут закупить их только у фирм идеологического, технологического и военного соперника, так ведь? А кто ж госпредприятию и здесь, и там это позволит-то? Никто не продаст, ведь персональный компьютер — это же стратегическое оружие! Второе: для наших госпредприятий существует единственный способ оплаты — безналичный расчёт!

— Это-то понятно, ну, а мы что можем? — робко спрашиваю я, ничего не смыслящий в рассуждениях Михе.

— А мы с тобой не госпредприятие, а кооператив! Ты забыл, что в нашем уставе написано? Мы с тобой имеем право и компьютеры покупать где угодно — у любых предприятий и компаний, у любого частника, и платить можем за них как угодно: и наличными, и по безналичному расчёту!

— И у военных организаций можем покупать? — нерешительно спрашиваю я, вступающий в свои новые университеты. — У них наверняка полно компьютеров!

— Ну, начнём мы с тобой, конечно, не с военных. Начнём мы с наших студентов, артистов, туристов, выезжающих за границу! — разгорячённый Мих снова бегаёт по пустому пространству. — И у иностранных граждан, приехавших в Россию на кон-

ференции или на переговоры со своими персональными компьютерами, можем покупать. А забыл, сколько наших с тобой знакомых сейчас эмигранты — в Америке, в Израиле и в других странах?! Хоть Йоська, например. Приезжай, Йоська, сюда с новым компьютером и получи денежки! Всем же будет выгодно!

— И какая же Йоське выгода? — дразню Миха, хотя и сам уже просчитал всё наперёд.

Один доллар по нынешнему курсу стоит 65 копеек. Йоська у себя купит компьютер за тысячу долларов или две, а продав его нашему Кооперативу за четыре-пять тысяч рублей и обменяв обратно рубли на доллары, получит прибыль более пятидесяти процентов!

Мих ещё и ещё раз повторяет все эти расчёты.

— Вот, как ты говоришь, и выгода Йоське!

Мих всё время теперь взбудоражен, но собран и чётко. Как это выжется одно с другим, непонятно, но просчитывает он всё мгновенно, словно его голова тоже компьютер, и меня заражает своей чёткостью и энергией!

Но словно роли поменялись. Порывистый, нетерпеливый Мих всегда действовал сразу, импульсивно и вдруг словно забуксовал — одни словеса: снова и снова проигрывает порядок действий и разные возможности.

Теперь я, воспаривший надеждой на нашу нужность людям, тороплю его:

— Ну, что ты тянешь резину? Сколько можно языком молоть? Давай начинать! Мы же по сто раз всё обсудили! Давай Йоське звонить.

— Не спеши. Сейчас самое главное — порядок действий! Начать надо не с Йоськи. Прежде всего нам с тобой нужен всего лишь один договор! Первый договор с первой организацией на поставку и обслуживание, назовём так, «аппаратно-программного комплекса»! Эта первая организация, обязательно государственная, даст нам легальный старт: оплатит в рублях по безналичному расчёту разработку программного обеспечения специально для них, по их профилю, так ведь? Оплатит нам и обучение их людей: как со всем этим работать? Вот тогда мы и передадим ей десять персональных русифицированных компьютеров. А также будем в течение года обслуживать, ремонтировать их и по просьбе организации вносить дополнения и изменения!

Я снова нетерпеливо перебиваю Миха:

— Договор договором, но, если у нас с тобой не будет компьютеров, что мы «передадим» этой нашей первой организации?! Теперь-то мы можем звонить Йоське?! Пусть сегодня же вечером расскажет в синагоге, сколько каждый из наших эмигрантов может выручить, и даст наш телефон. Для начала нам нужно как минимум десять компьютеров. И давай составим список, у кого мы можем срочно занять денег, потому что после звонка такое начнётся! — теперь я чуть не кричу.

— Начинать нужно не с Йоськи. Чем ты заплатишь ему за компьютеры? А занимать деньги нам ни в коем случае нельзя. Начинать нужно с надёжного предприятия, которое сразу же сумеет перевести нам деньги. Смотри, стоимость договора по официальным, государственным сметам — 400.000–450.000 рублей, так ведь? И договор будет оплачиваться по этапам реализации. Если мы находим платёжеспособное предприятие, то, как только мы подпишем договор, оно сразу же на счёт Кооператива переведёт предоплату (40.000–75.000) за первый этап — разработку программ и обеспечение, так ведь? Вот у нас и реальные деньги, на которые мы можем сразу закупить несколько компьютеров, так ведь?! И занимать ничего не нужно. А пока не появятся реальные деньги, мы с тобой и пальцем шевельнуть не имеем права, так ведь?

— «Так ведь», «так ведь», ну, что ты заладил? Пора же...

Мих словно не слышит.

— То есть нам нужны полтора-два месяца лишь на получение расчётов той организации и форм документов, бланков. — И после долгой паузы задумчиво говорит: — И, хотя всё это похоже на чудо, у меня такое чувство, что должно получиться!

— Ну, и что мы сидим? С каким же супернадёжным предприятием ты собираешься заключать договор?

Чувствую себя школьником рядом с Михом, но, как чесотка, зудит: скорее включиться в работу!

Когда же, наконец, надёжное предприятие мы нашли и пришли первые деньги, мы, сами испуганные своей дерзостью, как это всё легко и быстро у нас получилось, держа перед собой оформленный и подписанный всеми инстанциями договор, позвонили Йоське.

Уже на следующий день телефон звонил непрерывно: «Какая модель вам нужна и как срочно?»

А через десять дней в наш кооператив вошёл первый бывший соотечественник, приехавший навестить родственников, с новым серебристым компьютером от Йоськи.

С этого дня сколько нам надо было компьютеров, столько и поступало.

Чудо произошло — Кооператив заработал.

Уже к концу второго месяца договор был выполнен. Русифицированные американские компьютеры с разработанной программой, переданы заказчикам, их персонал прошёл обучение, а мы с Михом получили всю сумму, обозначенную в договоре.

Всё строго по закону. И всё по государственным схемам. И с государственной организацией.

А прибыль — 360.000!

Сидели мы за широким столом, за которым учили людей, друг против друга и удивлённо глядели друг на друга, не понимая, как это всё случилось — точно и быстро! Были нищие, а за два месяца вот они... нами честно заработанные деньги!

Начало жизни.

Теперь мы говорили мало. Теперь с утра до ночи работали.

Как только продали партию компьютеров первой организации, сразу получили заказ от другого предприятия того же министерства — сработало «сарафанное радио».

Заказов становилось всё больше.

С кем только ни велись переговоры! Министерства, военные организации, небольшие, только испечённые фирмы стали нашими клиентами.

Встречи с новыми людьми, специалистами, а в результате новые увлекательные идеи и мысли.

День теперь безразмерный. И ни минуты свободного времени. А вечерами, лицом к лицу, — новые планы.

Это жжение, что всю жизнь не давало Миху покоя, стало и моим жжением... Мы, наконец, нужны.

ГЛАЗАМИ ВАСИЛИЯ

Первое, что осознал, хотя было ему тогда не больше года, свет над собой: улыбку, глаза, пух волос.

— Васюш, не плачь. Ты больше не плачь. Я с тобой. Слушай, Васюш.

И до сих пор он слышит:

— Вода голубая льётся с неба, она поит цветы, деревья, зайцев и тебя, Васюш. В этой воде живёт солнце. Закрой глаза, смотри, как солнце греет воду и тебя. Вода тебя не мочит, она тебя очищает от болезни. Корь у тебя прошла. Ты теперь будешь быстро расти. Станешь сильным.

Он помнит себя уже осознанно с той минуты, как Риша положила перед ним лист бумаги и краски.

— Рисуй! — сказала.

Он словно именно этого слова ждал. Плеснул зелёный цвет на белый лист, жёлтый, голубой. И засмеялся. Цвета соединились в причудливую форму.

— Это радость? — спросила Риша. — Или это твоя мысль?

Он не знал ещё этих слов, повторил их про себя и снова засмеялся. Смеялся так, словно его щекотали. Говорить не умел. Но эти Ришины слова — «радость», «мысль», а ещё те, которые он хорошо знал, — «песня», «Риша», «солнце», «цветы» стали толпиться в голове, и он потянулся за новым листком. На нём он красным цветом раскинул густые пятна — цветы, посередине оранжевой краской плеснул солнце. И кивнул Рише за окно: там стояло солнце. Теперь он не смеялся. Он спешил, чтобы Риша поняла: цветы, солнце, голубая вода потоком с неба и её глаза.

Откинулся и смотрел. Он всё сказал. Риша смотрит с листа, её греет солнце, её поит дождь, а кругом цветы. Он объяснил ей, что хотел.

Утром его тащили в ясли, потом в детский сад, потом в школу. Чужие тётки в яслях, в детском саду, в школе сменялись. Но все они сжимали его в неподвижность. Он не играл с ребятами, не возил машины — сидел в углу зала детского сада или на последней парте класса и ждал, когда кончится чужое, скучное действие и он очутится дома и кинется к листу бумаги, чтобы Рише успеть подготовить подарок.

Он любит это слово «подарок».

Риша часто приносит ему подарки: яблоки, заводные машины, маленького оленёнка с грустными глазами, самолётики, а главное — альбомы и краски.

Сегодня это дом с большими окнами. Конечно, дом не такой, в каком он живёт и какие рисуют в детских книжках. Потолок — золотистая полоса, потому что через него идёт солнце. Стены —

деревья, потому что Риша любит липы, берёзы, рябины с тяжёлыми гроздьями, клёны с багровыми листьями и часто рассказывает о них, как о живых людях, со своими историями. И окна. А за окнами Ришу ждут птицы и рыбы, неважно, кто из них плывёт, кто летит. Он не хочет выписывать им тела. У них у всех есть глаза. У птиц — крылья, у рыб — жабры. Всё, чему его учит Риша, всё, о ком и о чём читает, отражается в новом рисунке. Рыбка у него всегда золотая, как у Пушкина, а птица всегда белая, как Пушкинская Лебедь, плывущая по морю.

Он быстро забывает свои старые картины и спешит к приходу Риши домой нарисовать то, что чувствует в этот день, что видит.

Один мальчик бьёт другого. Девочка дразнит мальчика. Учительница орёт. Не учительница — кричащий рот. Не мальчик — злые глаза и злые кулаки.

Риша, не успев сбросить пальто, кидается к его новому рисунку.

— Ну, расскажи, как ты сегодня жил?

Иногда он хочет, чтобы она сама всё поняла, а иногда комментирует и, припав к её боку всем телом, ждёт, что она скажет, как утешит, если он на кого-то обиделся.

Часто она легко угадывает, что он нарисовал.

— Не расстраивайся, пожалуйста. Люди часто дерутся. Я вот отдам тебя в студию каратэ, совсем около дома, чтобы ты научился защищать себя. А девчонки, ну что ж, бывает, они любят дразнить и ябедничать. Удел слабых.

— Но ты-то не любишь!

Она засмеялась.

— Идём скорее есть, а то я умру от голода. Мама заждалась.

После еды у них начинается игра.

Они летят на самолёте — носятся друг за другом по коридору взад и вперёд, раскинув руки и гудя.

Ищут потерявшихся в пустыне, задыхаясь от жажды и жары, знакомятся с верблюдами и громадными ящерицами, чтобы они помогли найти пропавших, по огненному песку волокут на себе обессиленных, беспомощных людей, с трудом затаскивают их в самолёт.

Или летят на крайний север. Белые медведи, пингвины, моржи. И палатка с голодными, замёрзшими, обессиленными людьми. Их нужно срочно напоить горячим чаем, посадить в самолёт и доставить домой.

Или с тяжёлыми рюкзаками, сгибаясь в три погибели, они лезут в горы, цепляясь за колючки и кусты, в кровь раздирая руки и колени, но находят ослабевших, голодных людей и помогают им спуститься с горы, поддерживая и сгибаясь ещё и под их тяжестью.

Или плывут по океану, без пресной воды и еды.

Все игры — это «университеты», как говорит Риша. Она рассказывает, как устроен самолёт, пароход, какие звери как живут, как растят своих детёнышей, что едят и где спят, как кому нужно оказывать первую помощь, почему верблюды могут не есть и не пить по много суток, почему в пустыне так много змей, почему пингвины и белые медведи любят холод, почему вода в океане и в море солёная, кто такие дельфины, почему они спасают тонущих людей, как живут киты и акулы.

Каждая игра — восхождение вверх.

Он растёт в движении игры и ощущает это.

Каждая игра — это ещё сказки, стихи и книжки о природе и тайнах земли.

Они любят бегать друг за другом, играть в прятки и в мяч.

Старший брат Виктор сам по себе. Утром кивнёт «Привет!» и бежит в школу. А после уроков сразу мчится во двор играть в футбол. Вечером снова «привет!» И скорее за уроки и книги.

Риша готовится к семинарам или экзаменам, попивая чай из голубой, с лебедями чашки. Василий сидит рядом: рисует, учит уроки, читает. Они всё делают вместе. Кроме каратэ.

Он начал заниматься каратэ.

Короткий, широкоплечий, мрачноватый учитель, в белом костюме с чёрным поясом, сказал свои первые слова:

— Я буду учить вас защищаться. От нападения с палкой и ножом. Есть методы защищаться и от нападения с огнестрельным оружием. Однако самое главное правило: пытаться избежать необходимости боя. И я буду требовать от вас железной дисциплины. Никакой самодеятельности. Блок рукой, удар коленом в пах. Кажется, просто. Не просто. Тренировка с утра до ночи. Выдержка. Воля.

К десяти годам он получил уже два пояса.

Но применить каратэ на практике не пришлось ни разу. То ли его лицо, замкнутое и суровое, то ли внутренняя уверенность в том, что никто не посмеет тронуть его, действовали. Ни в школе, ни на улице к нему никто не цеплялся.

Перестройка съела детство. Денег не стало. Матери перестали платить в научной лаборатории, в которой она всю жизнь проработала. Мать устроилась сразу в три места. Но, сколько бы ни работала, денег хватало на дней семь.

И Риша после занятий стала разносить почту. Ещё устроилась курьером.

Однажды он пришёл из школы раньше. Дверь закрыта неплотно: или мать, или Риша не захлопнули её.

— Я категорически против того, чтобы ты работала! — голос матери какой-то больной. — Прости меня, моя девочка, что не могу создать тебе нормальные условия! Самый главный момент в твоей жизни: диплом и государственные экзамены. Пожалуйста, брось всю работу! Глупо же не получить корочек, когда ты столько лет училась. Как-нибудь на макаронах протянем!

— А кто тебе сказал, что я не получу корочек? Дипломную работу уже отдала. К экзаменам готовлюсь. Я всё помню. Я же у тебя отличница. Скоро сдам.

— Ну вот, когда сдашь, тогда и иди работать!

— Мам, Васюша нужно кормить, самый рост в пятом классе, смотри, как быстро он вытягивается, а макароны совсем не годятся, он должен расти, а у нас и на неделю не хватает твоих денег. Да и моих, как видишь, тоже не хватает. Ты, не волнуйся. Мне всего-то ещё два экзамена сдать. А там попробую устроиться по специальности. Наверняка экономисты нужны! — и неуверенно: — Мам, давай я найду отца. Что же ты так маешься?

— Ни в коем случае, Риша. Справимся.

— Но ведь мы все — его родные дети. Он должен помогать нам. Васюш ещё совсем не сформировался и не готов затягивать пояс от голода. Где отец может быть?

— В Америке живёт. Женился. У него двое маленьких детей, близнецы. Женю встретила, он рассказал. — Она вздохнула. — Сам Женя без работы. Нашу лабораторию разогнали, за науку совсем перестали платить.

— А отец там тоже в научной лаборатории работает?

— Куда там. Женя говорит: таксист он. Забудь о нём, Риша. Что он там таксистом зарабатывает? Наверняка семье не хватает!

— Но он сильно любил нас всех, мама!

— Может, и любил, да вся любилка вышла, замёрзла у него душа. Многие без отцов живут, доченька.

— Я не о себе, мне с лихвой досталось папиной любви! Я о Васюше. Он-то отца совсем не знал.

— Да ты у него и за маму, и за папу. Твой получился сынок. Ты его на ноги ставишь. Пожалуйста, брось работу. Сдай спокойно экзамены. А когда найдёшь по специальности, заживём по-человечески. Виктор скоро кончает школу. Вместе Ваську как-нибудь поднимем.

Он попятился, осторожно прикрыл дверь и изо всех сил выжал звонок.

На другой день он стал мыть машины.

Деньги, полученные за неделю, положил перед матерью и усталился на неё.

— Ты... кого-то обокрал? — напряжённо спросила она. И тут же её удивление сменилось страхом. — Говори, кого ты обокрал? — крикнула она.

Она часто, не успев войти в дом, стала срываться на крик: «Помыть за собой не можете?».

«Ришу ждёте? Не можете стол вытереть?».

И сейчас вскинулась:

— У нас никто никогда чужого не брал! А ну, говори, у кого стащил?

Он буквально подавился обидой.

— Ты... ты... я в жару... голодный... целый день...

— Что «голодный»? Говори!

— Машины мыл.

— Так, ты заработал?

Она плюхнулась на стул, съёжилась.

— Дожили. Ребёнок без детства. На богатых корячится. Прости, Васька, дуру. И в голову такое прийти не могло.

Он пошёл из кухни.

В школе кончилась литература. Теперь нужно за год прочитать лишь одну книгу и рассказывать о ней.

А Риша... Риша теперь приходит лишь ночевать. Без сил валится спать.

— Прости, Васюш, вот скоро всё это кончится, и я снова буду с тобой все вечера.

В один из дней, похожих друг на друга, как две капли воды, с Ришиным поздним приходом, с его машинами, он принёс ей

чай в её голубой с лебедями чашке и тульский пряник, который купил у Киевского вокзала, и попросил:

— Ты даже чаю давно не успеваешь попить! Пей, пожалуйста, и отдохни немного. И расскажи мне, пожалуйста, что ты сегодня делала?

Она покорно берёт из его рук чашку, пьёт, смотрит на него во все глаза.

— Спасибо, Васюш!

— Я слушаю.

— Почту разнесла, — послушно рапортует она. — У одной барыни квартиру убрала, полы помыла, постирала и суп сварила, да она забыла заплатить. Давай ложись скорее. Совсем засыпаю.

— Пожалуйста, в следующий раз возьми меня с собой! Мы пополам разнесём почту, пополам уберём квартиру, и ты так сильно не устанешь. Я хочу всё пополам с тобой!

— Нет, Васюш, тебе рано работать.

— Это не работать: почту разносить и мыть полы. Легче, чем машины мыть.

— Какие машины?! — Риша сжала губы в узкую полоску.

— Да что вы все так расстраиваетесь? — вырвалось у него. — Ложись скорее, пожалуйста, тебе нужно выспаться.

Мама не сказала.

Всё-таки он добился своего. Машины спешил теперь помыть до того момента, когда Риша освобождалась на основной работе. И теперь они вдвоём ходили разносить почту и убираться у богатых. Риша вытирала пыль, варила суп, он мыл полы, пылесосил ковры. Управлялись быстро.

Тот день не заладился с самого начала: автобус долго не приходил, и они сильно опаздывали.

— Терпеть не могу эту барыню, это она не заплатила мне! — пожаловалась дорогой Риша. — И всё время елозит перед носом, проверяет: как пыль вытерла, как подмела, как пол помыла. Вредная. И ведь совсем молодая. Интересно, откуда она явилась сюда? На московскую не похожа. Пять дней подряд я проработала у неё, она не заплатила, сказала, сегодня рассчитается...

Во дворе мерседес, номер — с тремя девятками.

Барыня сама открыла им дверь.

— А ты зачем парня привела? Воровать?

Он попятился от девицы.

— Да брат со мной теперь всегда убирает. Он хорошо полы моет, — сквозь зубы пробормотала Риша.

Пышногрудая, кукольного вида, раскрашенная девица милостиво сказала:

— Ладно, посмотрим, что в его понятии «хорошо». Тебе ещё зачтётся, что ты опоздала на полчаса, — она подняла вверх указательный палец, резко развернулась и пошла в глубь дома, вилля толстым задом.

Изо всех сил он тёр пол в передней и в ванной комнате. Пылесосил. Риша мыла посуду, раковину, перетирала вазы и аляповатые подсвечники на буфете.

Выплыла девица в гостиную злая, он только закончил пылесосить.

За ней появился высокий, с ёжиком волос, широкий в плечах мужик.

Девица, уткнув указательный палец в грудь Василия, ехидно глядя на Ришу, сказала:

— Вы у меня кольцо украли! С драгоценным камнем.

Мужик схватил Василия за плечо железной пятернёй. Правой рукой полез в карман брюк.

— Он не может! Прекратите! — не своим голосом крикнула Риша. — Отпустите его. Вы не смеете! Он никогда не брал чужого!

— Это мы сейчас и проверим! То-то моя баба сразу доложила: ты парня привела! Зачем здесь нужен ворюга? Что, мы не знаем, как дела обдeldываются?! — Мужик вывернул карманы, из них посыпались жвачка, перочинный ножик, смятая бумага с адресом. — Где ещё карманы, ублюдоков?

И тут Риша кинулась к нему и замолотила по его спине.

— Отпусти брата, бандит! Слышишь, отпусти!

— Ах, ты, тварь! — Со всего маха мужик ударил её по голове, Риша упала.

— А-а-а! — Василий подхватил с буфета бронзовый подсвечник.

— Стой, гадёныш! — завизжала жена. — Не смей!

Каким-то образом возле оказалась Риша, вырвала из рук подсвечник.

В этот миг у него раскололась голова, он потерял сознание.

Очнулся под дождём. Над ним заливаемое потоком Ришино лицо.

— Потерпи, Васюш, слава богу, ты жив! Пожалуйста, вставай, нам надо скорее отсюда исчезнуть! Пожалуйста, Васюш, постарайся. Как можно скорее!

Забор — высокий, коричневый. Крупная цифра — 9 — чёрного цвета.

— Ты можешь встать? Или мне поймать машину?

Машину? Им не заплатили. На какие деньги поедут?

— Попробуй встать, пожалуйста, нам только до угла тупика дойти, а там дорога! — Риша пытается приподнять его, но он в свои двенадцать лет уже выше и тяжелее её, сил у Риши не хватает, а он даже двинуться не может.

На его лицо с Ришиного сыплются капли дождя.

Асфальт жжёт холодом. Когда шли сюда, светило солнце.

Риша жива. Если не смотреть на синий подтёк на лбу, то с ней всё в порядке. Не надо смотреть.

— Улыбнись, — просит он, не слыша своего голоса. — Волосы потухли. Глаза потухли. Я сейчас встану... — еле шевелит он неповоротливым языком и сам не слышит своих слов. — Ты только улыбнись. — Пытается приподнять голову. Но голова разлетается на части. Опирается на руку, но оторвать голову от асфальта не может. С трудом чуть-чуть повернул голову, плеснула на асфальт кровь.

— О, Боже! Лежи. Я сейчас. У тебя громадные шишки. Ты лежи. Я сейчас. — Она мчится к углу тупика.

9999... сколько собралось девяток! На воротах 9, и на мерседесе, стоящем во дворе, тоже одни девятки.

Длинный. Ёжик волос. Сытая морда. Ну, подожди, я тебя подстерегу, я тебя за Ришу... — плавают в голове слова. Вот где может его каратэ пригодиться!

Рушится в темноту, снова выплывает к дождю. Ришу нельзя подвести: она велит встать. Всё-таки поворачивается, подтягивает колени к животу, уже обеими руками опирается о скользкий асфальт, но руки разъезжаются, он падает. Снова опирается об асфальт, подтягивает обе руки друг к другу, встаёт на четвереньки.

Подъезжает машина. Молодой человек, ненамного старше Риши, рывком поднимает его и аккуратно подсаживает в машину.

Не успевают отъехать, как, оглушая сиреной, к дому подлетает «скорая помощь». Поднимаются ворота в заборе.

— Скорее, умоляю, — просит Риша. — Скорее! — А когда они уже около угла, виновато говорит: — Вы простите, мы грязные, я отмою. И кровь отмою.

— Сиди, у меня есть кому отмыть. Здорово тебя, мужик, саданули. За что, интересно?

— Мы убирались. А хозяйка обвинила нас... кольцо у неё пропало. А мы... да разве мы... Мне работа была очень нужна!

— На воровстве, значит, поймали. Разборки... — Машина уже попала в пробку на Рублёвском шоссе. — Это хорошо, что учат. Только не всегда кого нужно. Ты, красавица, если только мигнёшь, сразу получишь от меня подмогу: да я этому...

— Пожалуйста, посадите!

— Ага, не хочешь мигнуть. Да сиди уж, сиди. Счас на Кутузовку выскочим, а там до больнички рукой подать. Силком ни-ни... Что, мы — нелюди, что ли? Не в моих правилах. Я с понятием. Сиди, а то ещё околочурится пацан в машине! Что я тогда? Да, я тогда... А ты, значит, в работе нуждаешься. Эт-то он дурак, тот, кто звезданул парня. Воры ни за что в работу не определятся, нет, ни за что. Это только дураки работу ох как любят. Ты, красавица, ишь, какая справная. У тебя два пути имеются. Или на содержание к такому, как я, или на фирму иди. Там такие фигуристые нужны. Тебя сразу с руками отхватят. Фирмы сейчас как грибы под дождём. Глядишь, и подцепишь живого америкашку, или нашего какого, из грязи-то поднявшегося! Глядишь, и всурьёз получится. Оно такое с красавицами очень даже легко бывает.

Заткнуть его. Сказать ему. А язык разбух ещё больше, совсем не шевелится, запал в одну сторону. И рот перекосило. Не то, что заткнуть, слога не выдавить. Сознание плывёт. Сквозь вату, сквозь воду слова парня едва, рвано доходят.

Риша приобняла его, чтобы он не упал на сидение. И только её руки удерживают его в сознании. Только бы не убрала руки, только бы рядом. От Риши сила идёт.

Они смотрели когда-то фильм «Последний дюйм». Маленький мальчик вёл самолёт с тяжело раненым отцом. Долететь. Довезти отца. Ещё минута напряжения, ещё минута... Сейчас важно не потерять сознания.

— А ты, строптивая, счастья своего не углядела. Я бы тебя, как на выставку, одел, в куклу превратил. Ты бы у меня пропахла Шанелью! Ты бы у меня прислугой помыкала! Я — такой, ничего не пожалею на сладкое себе! Я бы...

Слова нагромождаются друг на друга, наползают, меняя звук, то гудят, то совсем теряются в гуле и звоне.

Только бы не оставить сейчас Ришу одну и не потерять снова сознание! — уговаривает он себя.

Риша молчит. Лишь дождь стекает по её лицу — крыша в машине у этого болтуна протекает. И Риша расплзается в светлое облако. Лишь Ришины руки держат его в сознании!

В другое время да он бы того... коленом в пах...

Недаром столько лет каратэ занимался ...

Причём тут каратэ? А причём тут глупый голос, пронзающий, буром проникающий внутрь?

Риша тут она, его обнимает, с ним она! Больше ничего не надо. Сознание уходит.

Вспышкой вибрирующий голос:

— Вот он, наш Кутузовский. Забитая трасса, зато красавец какой. А вот и больничка. Давай оставим его там, а сами с тобой... Ну, ладно, ладно. Я не какой-нибудь насильник, я понимаю — братан, не бросишь. Я ведь и подождать могу! Что, я без понятий, что ли? Я ведь вот он, весь у тебя на виду... Болтать болтаю, а руки без согласия — ни-ни, не распускаю. На добровольной основе! Безобидный я. Ты не бойсь, я донесу его! А ведь я тебя подожду!

— Не надо, пожалуйста! — тихо просит Риша. — Спасибо вам большое, вы очень нам помогли. Удачи вам. Счастья. Осторожнее держите голову! Простите за кровь!

— Слушай сюда, красавица. Ты сказала, тебе работа очень нужна. Есть такая. Еду из одного Кооператива. На самой Рублёвке! Компьютерами промышляет. Вывеска имеется.

— Спасибо вам. Вы очень помогли!

Его несут. Запах лекарств.

И глухая тишина. Он умер? Его больше нет? Смерть — это чернота?

Только стучит где-то молоток: тук-тук. И нет Риши рядом.

Что так стучит на том свете?

ТАТЬЯНА УСПЕНСКАЯ (ОШАНИНА) — писатель, педагог и редактор — родилась в 1937 г. в семье биолога и писателя Елены Успенской (внучки писателя Глеба Успенского) и поэта Льва Ошанина.

Окончила Московский университет. Много лет преподавала литературу, из которых десять лет (1962–1972) работы в знаменитой Московской физико-математической школе № 2 она считает лучшими годами в ее жизни. Это была школа абсолютной внутренней свободы, воспитывающая человека, свободного от партийных догм и зависимости от власти; школа, дарившая способность анализировать, раскрывавшая творческие способности, формировавшая яркую, самобытную личность. И самое главное — это была школа со своим кодексом чести и нравственности.

После разгрома школы в 1971 году работала редактором в издательстве «Современник». Переводила книги с подстрочника. Публиковалась как критик в журнале «Нева». Написала тридцать романов и повестей в числе которых «Шаман» и «Я вышла замуж в Америку». Большинство ее книг были изданы в Москве издательствами «Советский писатель», «Молодая гвардия», АСТ и др. Весной 1990 года была приглашена в Пенсильванский университет читать лекции об А. С. Пушкине и современной русской литературе.

В настоящее время живёт с семьей в Коннектикуте, США.

В романе Татьяны Успенской (Ошаниной) «Я хочу быть волшебником» нет ничего волшебного. Наоборот, его действие крайне сурово и реалистично: оно происходит в России в 90-х годах двадцатого века — в самые кровавые годы перестройки.

Молодые, горячие, образованные, чистые люди поверили власти, разрешившей частное предпринимательство, и начали создавать собственные компании, чтобы активно работать и самим что-то решать в своей стране. Многие из них были уничтожены — стали жертвами оголтелых бандитов, умеющих лишь воровать и убивать. Также погибло много людей средних лет, потерявших возможность заниматься наукой, преподаванием, лишившихся элементарных средств к существованию, и очень много пожилых людей, не выдержавших глубокой нищеты, голода, незащищённости повседневной жизни. Не интеллект, не закон стали править в стране, а насилие и беспредел.

В основе романа лежит трагическая история двух героев, Николая и Василия, связанных общим горем — гибелью в период перестройки близких людей — и поэтому выбитых из нормального существования, а затем постепенно возвращающихся к жизни. Людей, которые находились на пике отчаяния, но сумели подняться над своим горем и научиться вбирать в себя не только беду, но и то прекрасное, что рождает новую жизнь.

Название же романа больше относится к самому автору, чем к сюжету. Автору, не готовому смириться, верящему в то, что есть другой мир, в котором воздаётся за праведность и наказываётся убийство. Ей очень хочется быть волшебником...

ISBN 978-1-960533-65-4

9 781960 533654